

Рис А-1169
-197
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHK 184

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ**

IX

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

TARTU 1966 TARTU

КТО ТАКИЕ «АРХЕОЛОГИ»?

П. С. РЕЙФМАН

Один из отрывков «Нашей общественной жизни» М. Е. Салтыкова-Щедрина, не опубликованный в «Современнике», сохранившийся в корректурных гранках и, видимо, входивший в апрельскую хронику 1864 г., начинается словами: «Археологи свидетельствуют...» Далее идет рассказ о том, что «в былые времена, когда человечеству угрожало какое-нибудь бедствие, или же когда в его среде совершался акт вопиющей и злобной нелепости, то сама природа заблаговременно предупредительнее об этом смертных и достигала этой цели посредством временного извращения обычного действия своих сил. На небе появлялись необычайные звезды, померкло солнце, потрясалась земля, рождались уродливые младенцы с песьими головами, а в иных случаях даже ослы получали дар слова».¹ Повествование об ужасных «знамениях», предсказывающих наступление ужасных времен, как отмечалось в исследованиях, восходит у Щедрина к библии, к «Апокалипсису». Оно нужно сатирику для воссоздания атмосферы торжествующей реакции, которая перешла после 1862 г. в наступление, для сатирической обрисовки новых «деятелей» — «мальчиков с песьими головами», «обладателей песьих голов и птичьих когтей», для иронического изображения сторонников «Русского слова» — «фофанов», «украшенных чрезмерно длинными ушами».²

Следует отметить, что Щедрин в это время неоднократно обращается к библейским образам. Еще в «Сопелковцах» говорит он о людях «с песьими головами».³ В мартовской хронике «Нашей общественной жизни» (1864), рассказывая о рождении Васи Чубикова, Салтыков иронически замечает: «солнце не померкло от стыда, звезды не падали как листья от жалости, и [завеса не разодралась] от негодования».⁴ Связь этих слов с рассказом о «знамениях» в отрывке «Археологи свидетельствуют...» совершенно очевидна. В январских хрониках «Нашей общественной жизни» 1863 и 1864 гг. упоминается убогий Лазарь, в последней из них — Содом и Гоморра.⁵ Разумеется, Щедрин хорошо знал источник, к которому в конечном итоге восходят такого рода образы. Однако, возникает ряд вопросов: прямо ли из библии проникает в хроники Щедрина тема чудесных «знамений»? почему о них должны свидетельствовать какие-то «археологи»? кто такие эти «археологи»? не было ли в начале 1860-х гг. какого-либо события, которое могло сыграть роль толчка, определившего обращение Салтыкова к библии? Можно, правда, предположить, что

¹ См. публикацию В. Э. Богграда и статью С. А. Макашина «В борьбе с реакцией. Новые страницы из «Нашей общественной жизни» Щедрина», «Литературное наследство», т. 67, М., 1959, стр. 339.

² Там же, стр. 335, 339, 340.

³ Н. Щедрин, Поли. собр. соч., т. V, М., 1937, стр. 255.

⁴ Там же, т. VI, 1941, стр. 301.

⁵ Там же, стр. 48, 256, 264.

«археологи» вымышлены писателем, введены лишь из цензурных соображений, чтобы прикрыть сатирическое переосмысление библейских образов. Но такое предположение кажется нам маловероятным. Изучение публицистики Щедрина на фоне русской журналистики 1860-х гг. приводит к выводу о том, что сатирик весьма часто обращается не только к темам, проблемам, но и к отдельным образам, высказываниям, фактам, встречавшимся в периодике того времени. В «Нашей общественной жизни» Щедрин нередко как бы цитирует «Искру», упоминает, без точных указаний на источник, ряд событий, подразумевая, что они так или иначе известны его читателям. Этот прием узнавания знакомого усиливает ироническое звучание щедриновской сатиры. Нам представляется, что он применен и в ссылке на «археологов».

Одним из событий, волновавших общественное мнение начала 1860-х гг., было издание книги Э. Ренана «Жизнь Иисуса». Ренан в то время закономерно воспринимался как археолог. В 1860—1861 г. он возглавлял, по поручению Наполеона III, французскую археологическую экспедицию, которая изучала культуру древней Финикии, широко знакома европейскую публику с результатами раскопок. В 1864 г. Ренан публикует книгу «Mission de Phénicie», в которой отражена работа экспедиции. Он посещает раскопки в Египте. В русском журнале «Заграничный вестник» (1864, выи. 7) напечатан перевод его статьи «Древность египетской цивилизации», построенной на изучении материалов раскопок.

Однако, в восприятии читателя начала 1860-х гг. Ренан был не только ученым-археологом, но и безбожником, критиком официальных церковных догм. В 1862 г. Ренан назначен профессором Collège de France, но открытый курс, объявленный им, в котором затрагивались вопросы истории христианства, власти приостановили после первой лекции. Католическое духовенство провозгласило Ренана еретиком. Нападки церковников еще более усилились, когда он издал в 1863 г. книгу «Жизнь Иисуса», написанную по впечатлениям, полученным во время археологической экспедиции и доставившую Ренану всемирную известность. В 1864 г. императорским декретом он был лишен кафедры в Collège de France. Все это, естественно, наделало много шума и было хорошо известно русскому образованному читателю. Нужно сказать, что и русское православное духовенство не разошлось в оценке Ренана со своими католическими собратьями. Не ставя вопроса о подлинной сущности книги «Жизнь Иисуса», следует отметить, что она воспринималась в России того времени, как произведение, противостоящее официальной церкви, как попытка научной критики религиозных текстов. Особенно сочувствие одних и негодование других вызывали рассуждения Ренана о «чудесах». Автор «Жизни Иисуса» решительно отвергал возможность «чудес», старался найти логическое объяснение возникновения чудесных верований. Он довольно подробно рассматривал вопрос о «чудесах». 16-я глава его книги так и называлась «Чудеса», в 17-й главе Ренан детально останавливался на фантастических с его точки зрения представлениях Иисуса, который истолковывался не как бог, а как человек, о «чудесах» «Апокалипсиса», о страшных «знамениях», предсказывающих светопреставление, предшествуемое «ужасными бедствиями и возмущенное необычайными явлениями».⁶

Естественно, что церковники ополчились и на книгу Ренана в целом и, в особенности, на его критику библейских «чудес». Инспектор московской духовной академии архимандрит Михаил выпустил книгу «О евангелиях и евангельской истории» (М., 1864), специально посвященную критике Ренана. Михаил всячески ругал Ренана, называл его атеистом и материалистом, старался опровергнуть его точку зрения на «чудеса». Но и он должен был признать шум, вызванный книгой «Жизнь Иисуса», ее популярность, сочувствие ей определенных кругов русского общества. В 1865 г. в Петербурге напечатан перевод из аббата Гетэ «Опровержение на выдуманную жизнь Иисуса Христа, соч. Э. Ренана». Такого рода опровержения появляются и позднее

⁶ Э. Ренан, Жизнь Иисуса, Спб., 1907, стр. 216.

(см., напр. Берсье «Царское достоинство Иисуса Христа, ответ Э. Ренану и Л. Толстому», «Православное обозрение», 1889, № 4).

Естественно и то, что русская цензура решительно запретила книгу Ренана. В фонде Центрального управления по цензурному ведомству хранится дело о переводе «Жизни Иисуса» на русский язык. Как видно из него, книга подлежала «безусловному запрещению» и не должна была выдаваться на руки, даже тем, которые имели право получать иностранные книги без цензуры. В 1863 и 1864 гг. с книгопродавцев потребовали обязательство не иметь «Жизни Иисуса» и никому не продавать ее.⁷ В деле о П. Л. Лаврове упоминается запрещенная цензурой статья, предназначенная для журнала «Заграничный вестник», «Строй идей, среди которых развивался Иисус», переведенная из книги Ренана и истолкованная властями как материал не только антиклерикальный, но и антиправительственный.⁸ Приведенный пример свидетельствует и о том, что русская демократическая печать стремилась использовать идеи Ренана в борьбе против официальной церковности, против существующего порядка, защищая право научного анализа, критики основ, считающихся незыблемыми. В таком плане упоминается имя Ренана в газете «Современное слово». Осуждая запрещение его лекций в 1862 г. (см. выше), редакция истолковывает этот запрет, как попытку «заставлять молчать науку и историческую критику», за чем «следовало бы ожидать понижения уровня понятий, лицемерие заняло бы место общественной нравственности».⁹

Очень вероятно, что Щедрин, рассказывая о «знаменаниях», упоминая «археологов», имеет в виду книгу «Жизнь Иисуса», истолкование ее русской передовой общественной мыслью 1860-х гг., возникшую вокруг нее полемику, намекая тем самым на одну из злободневных запретных тем. В этом случае становится особенно ясно, что писатель не только сатирически переосмысливает библейские образы, используя их в борьбе с современными ему противниками, но и весьма иронически относится к самой библии, «чудесам», «знаменаниям», которые с таким ожесточением защищали опровергатели Ренана.

⁷ См. П. С. Рейфман, Демократическая газета «Современное слово», Тарту, 1962, стр. 37.

⁸ См. наст. изд., стр. 55. Редакции «Заграничного вестника» удалось напечатать статьи Ренана, более нейтральные по содержанию: «Высшее преподавание во Франции» (1864, вып. 4), «Древность египетской цивилизации» (1865, вып. 7).

⁹ П. С. Рейфман, Демократическая газета «Современное слово», стр. 36—37.